

Глядя на спины детей, торопливо выбежавших наружу, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу переглянулись и оба не удержались от смеха. Нин Гуйчжу успел сделать всего один глоток воды, как дети уже вернулись, бережно держа котят.

— Учитель, младший дядя, котики уже почти с голоду сплющились!

Сюн Цзиньчжоу заодно отодвинул вещи на столе и с улыбкой сказал:

— Где это они так быстро успели? Вы же кормили их в полдень, да? Всего два часа прошло, не проголодаются.

Сюн Иньинь возразила:

— Но мы кормили котят до еды!

Видя, что они уже твёрдо решили: котики голодают до смерти, Сюн Цзиньчжоу не стал спорить с мелюзгой. Он поставил на стол всё нужное для кормления и позволил им самим заботиться о котятах. Котята и правда проголодались, быстро лакая яичный суп своими маленькими язычками.

У Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь терпения было побольше, они по очереди поддерживали котят головами. Сюн Чуаньшуй утром уже кормил котят, но из-за недостатка терпения и внимательности был дружно отвергнут братом и сестрой, так что теперь мог только сидеть рядом, подперев подбородок, и смотреть. Увидев, как котята радостно пьют суп, Сюн Чуаньшуй покачал головой, а потом вдруг что-то вспомнил и посмотрел на взрослых, тихо разговаривавших рядом.

— Дядя, вчера же говорили, что надо дать котятам имена. Вы с младшим дядей уже придумали?

— М? — Нин Гуйчжу посмотрел на него.

Он и правда забыл об этом. С улыбкой повернувшись к Сюн Цзиньчжоу, он сказал:

— Они говорили, что надо продолжить после собак. Придумай им имена?

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Кошек продолжать после собак?

Такое точно придумал не его Чжу-гер. Его взгляд упал на троих детей. Видя их ожидающие

лица, Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь и спросил:

— А как, по-вашему, должны зваться эти котята?

Сюн Иньинь оживлённо сказала:

— Красиво!

Сюн Цзиньбо добавил:

— И счастливо. Бабушка сказала, что Даван и Эрцай очень счастливые имена!

Сюн Чуаньшуй почесал голову:

— Бабушка ещё говорила, что с плохими именами легче вырастить...

Стоило ему это сказать, как лица Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь изменились, и они громко заявили:

— Не надо плохих имён! Плохие имена некрасивые!

Имена всех троих детей, благодаря Сюн Цзиньчжоу, звучали довольно хорошо. Но они выросли в деревне и, конечно, слышали всякие простонародные имена. Камень или Собачье Яйцо ещё можно было считать терпимыми, а вот что-нибудь вроде Навозного Колышка - это уже правда звучало ужасно.

Нин Гуйчжу не удержался от смеха.

— Давайте придумаем красивые имена. Никаких таких прозвищ.

Услышав обещание взрослого, Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь заметно успокоились. А Сюн Чуаньшуй виновато пробормотал:

— Я ведь тоже не говорил, что надо такие давать...

Просто, когда старший брат заговорил о бабушке, ему самому вспомнилось. Двое взрослых и трое детей собрались вместе. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу стали предлагать разные благозвучные и счастливые иероглифы, предоставив детям выбирать. Обычно старшие брат с сестрой уступали младшей, но в таком важном деле без споров не обошлось. И неизвестно, наследственное ли это было, но оба брата явно проигрывали сестрёнке в словесных баталиях.

В конце концов имена были утверждены: Саньбао («Третье Сокровище») и Сыси («Четвёртая Радость»). Даван, Эрцай, Саньбао и Сыси* - сразу слышно, что одна семья.

(ПП: Даван - Великое процветание, Эрцай - Вторая удача)

Накормив котят, трое детей чинно поклонились Нин Гуйчжу.

— Учитель, мы пошли домой!

Они выбежали со двора, но перед уходом не забыли обернуться и аккуратно закрыть за собой калитку.

Сюн Цзиньчжоу рассмеялся:

— Всё-таки быть их учителем - совсем другое дело. Раньше нашему двору такой чести не доставалось.

— Что за ерунду ты говоришь? — Нин Гуйчжу беспомощно покосился на него. — Они всегда закрывали за собой калитку.

Сюн Цзиньчжоу:

— А? Правда?

Неужели он, родной младший дядя, с самого начала пользовался у них меньшим уважением, чем Чжу-гер?

Пока Сюн Цзиньчжоу всерьёз размышлял над этим жизненно важным вопросом, Нин Гуйчжу уже закатал рукава и направился на кухню. По дороге он сказал:

— Сходи нарви немного зелёного лука. На нашей грядке больше рвать нельзя, придётся поискать снаружи.

Сюн Цзиньчжоу тут же отбросил мысли о своём статусе.

— Может, тогда побольше принесу и ещё посажу на грядке?

— Хорошая мысль.

Немного подумав, Нин Гуйчжу снова высунулся из кухни.

— Если увидишь горчицу, тоже выкопай несколько кустиков. Хочу ещё солений наделать.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу взял бамбуковую корзину, прихватил мотыгу и вышел.

Нин Гуйчжу сначала поставил греться воду, затем открыл шкафчик, достал мясо, отрезал кусок и положил его в миску. После этого перебрал лежавшую у стены кучу дикорастущей зелени и выбрал подходящую. Вымыв и нарезав мясо и овощи, он отложил их в сторону и принялся за главное блюдо сегодняшнего вечера - вуту.

Мелко смлотую кукурузную муку он понемногу заварил кипятком, затем добавил пшеничную муку и вымесил гладкое тесто. Подняв кувшин, Нин Гуйчжу налил себе в чашку уже остывшей кипячёной воды, чтобы потом выпить, затем снова наполнил кувшин кипятком и поставил его обратно остывать. После этого он налил в котёл холодной воды, положил туда несколько кусков мяса, сверху установил паровую решётку, застелил её тканью и начал лепить вуту.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся с корзиной, из кухни уже всюду доносился аппетитный аромат еды. Он поставил корзину в сторону, достал дикий зелёный лук, срезал зелёные перья, промыл их и первым делом занёс на кухню.

— Чжу-гер, сам нарежь, пожалуйста, зелень. А я пока посажу овощи.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу поднялся, приоткрыл крышку глиняного горшка и заглянул внутрь, где уже долго томилось мясо. Затем добавил бланшированную дикорастущую зелень, аккуратно перемешал, снова накрыл крышкой и оставил ещё немного потомиться. Лишь спустя некоторое время он мелко нарезал зелёный лук и всыпал его в горшок.

Насыщенный аромат дикого лука мгновенно раскрылся. Нин Гуйчжу переложил готовое блюдо в миску, накрыл её, а сам горшок поставил в сторону остывать - позже воду после его мытья можно будет использовать для собачьей еды.

Вуту в котле ещё должны были немного попариться. Поэтому Нин Гуйчжу отправился на задний двор и вместе с Сюн Цзиньчжоу занялся посадкой овощей. Дикого лука и горчицы тот принёс немало. Старые грядки уже были полностью заняты, поэтому пришлось снова рыхлить землю. Они потратили на работу немало времени, прежде чем всё высадили. Вернувшись затем на передний двор, они вымыли руки и наконец сели ужинать.

Только что приготовленные вуту были ещё мягкими и пышными. Стоило откусить, и рот наполнялся сладковатым ароматом кукурузы. Нин Гуйчжу положил палочками немного овощей прямо в середину хлебца и откусил сразу большой кусок вместе с начинкой.

Долго томившееся мясо само по себе получилось невероятно ароматным, а после работы на огороде аппетит у обоих разыгрался вовсю, так что ужин принёс настоящее удовольствие.

Поев, Сюн Цзиньчжоу принялся мыть посуду, а Нин Гуйчжу - прибирать кухню. Он налил в глиняный горшок воды, хорошенько взболтал её, раскрошил туда грубый паровой хлеб, затем взял ещё один целый хлебец и со всем этим направился к боковой стороне дома.

Ещё вскоре после обеда Сюн Цзиньпин привёл обратно Маньтоу. Тогда Нин Гуйчжу как раз занимался с детьми, и Лю Цюхун не позволила сыну отвлекать его. Лишь когда Нин Гуйчжу сделал перерыв, чтобы выпить воды, он уловил приглушённые голоса, нарочно звучащие очень тихо.

Он вылил собачью еду в миску, положил грубый хлебец в бамбуковую кормушку рядом и, погладив Маньтоу по голове, спросил:

— Ну что, понравилось сегодня работать на улице?

Маньтоу радостно замахал хвостом, шумно фыркнул ноздрями и довольно захрюкал. По интонации сразу было понятно - доволен.

Да и неудивительно. Хотя с Сюн Цзиньпином и Ван Чуньхуа ему приходилось тянуть более тяжёлую поклажу по дороге в город, для самого Маньтоу главное было выбраться наружу, а не сидеть безвылазно дома.

— Так и знал, — с улыбкой сказал Нин Гуйчжу, легонько ткнув его пальцем.

Он положил перед мулом охапку сухой соломы.

— Ну всё, ешь.

Маньтоу некоторое время задумчиво смотрел на солому, для приличия вытащил несколько стеблей, лениво пожевал их, а затем широко раскрыл пасть и с удовольствием впился зубами в лежавший рядом грубый хлебец.

Мул ел всего два раза в день. Днём он вернулся сытым, так что сейчас голодным вовсе не был. Нин Гуйчжу не придавал этому значения. Увидев, что собак даже звать не пришлось - они сами прибежали ужинать, - он пару раз погладил их по головам.

— Потом наружу не выходить. Вам ещё Саньбао и Сыси нянчить.

Собаки растерянно склонили головы: Саньбао и Сыси? Это кто?

Люди, конечно, собачьего недоумения не поняли. Закончив с псами, Нин Гуйчжу перевёл взгляд на кур и уток. Погода в последнее время становилась всё жарче, улиток дома тоже стало меньше, и корм у кур с утками ухудшился. К тому же теперь в доме появилась взрослая несушка. Нин Гуйчжу подумал, что вечером тоже надо их кормить. Вернувшись с глиняным горшком на кухню, он зачерпнул немного отрубей, размешал с водой и рассыпал в загоне.

— Цзиньчжоу, кур и уток я не ловил. До темноты не забудь посмотреть, — вернувшись на передний двор, сразу сказал он, боясь забыть.

— Хорошо.

Увидев, что он несёт глиняный горшок, Сюн Цзиньчжоу протянул руку:

— Дай мне, заодно вымою.

Нин Гуйчжу передал ему горшок, вернулся на кухню, снял паровую решётку и ткань. Вода в котле уже превратилась в мясной бульон, только воды было много, мяса мало, и выглядел он жидковатым. Нин Гуйчжу накрыл крышкой, добавил в очаг дров и оставил дальше вариться, а сам вынес решётку с тканью мыть. Когда воды в котле стало меньше, бульон загустел, а мясо полностью разварилось. Нин Гуйчжу размял кусочки мяса лопаткой, переложил всё в чашку, затем налил в котёл немного воды и вымыл его. Воду после мытья оставил рядом - завтра можно будет добавить в корм собакам.

Сюн Цзиньчжоу вошёл с ведром воды, увидел стоявший рядом мясной бульон и спросил:

— Для котят варил?

— Да. Они сейчас могут пить только жидкое, а мясной бульон питательнее, — кивнул Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу протянул «м-м» и решил, что в его словах есть смысл.

В чистый котёл налили свежей холодной воды. Пока они ждали, когда она закипит, они отнесли котят к собакам и позвали тех обратно в лежанку, передали малышей двум псам, затем загнали кур и уток в клетки. В углу клетки Нин Гуйчжу нашёл яйцо.

— Цзиньчжоу, смотри!

Он с радостью помахал находкой перед Сюн Цзиньчжоу. Пусть это яйцо снесла не курица, выращенная ими самими, но всё равно это было первое яйцо в их доме!

Сюн Цзиньчжоу посмотрел и улыбнулся:

— Довольно крупное.

Яйцо и правда было чуть больше обычного. Нин Гуйчжу держал его в руке и вместе с Сюн Цзиньчжоу пошёл обратно, радостно говоря:

— Надеюсь, те птицы, которых мы вырастили сами, потом тоже будут так хорошо нестись.

— Обязательно будут.

Сюн Цзиньчжоу отозвался с полной поддержкой.

Ещё одна ночь миновала.

На следующее утро Нин Гуйчжу первым делом разбил яйцо, которое они нашли накануне, влил его в кипящую воду, быстро размешал и приготовил на пару вместе с маньтоу. На гарнир он пожарил тонкие яичные блинчики, нарезал их соломкой и быстро обжарил вместе с зелёными овощами. Нежно-жёлтые полоски яйца переплетались с яркой зеленью, поблёскивая маслом, и блюдо выглядело невероятно аппетитно. Сюн Цзиньчжоу успел накормить всю домашнюю живность, вымыл руки и как раз вовремя вошёл на кухню к завтраку.

Посмотрев на нежный паровой омлет в своей чашке, он зачерпнул ложкой немного, отправил в рот, и глаза его сразу загорелись.

— Вот это вкусно!

Нин Гуйчжу, откладывая маньтоу, с улыбкой сказал:

— Разве паровой омлет может быть невкусным?

Сюн Цзиньчжоу покачал головой с выражением «ты просто не понимаешь».

— Если бы ты попробовал омлет, который готовит невестка, сразу бы понял разницу.

— Осторожнее, а то услышит и больше тебе не приготовит.

Сюн Цзиньчжоу самодовольно вскинул бровь.

— Ничего страшного. Теперь у меня есть ты, так что её омлет мне больше не нужен.

— ...

После завтрака они вместе прибрали дом. Перед уходом Сюн Цзиньчжоу неохотно обнял Нин Гуйчжу.

— Тогда я пошёл на службу. А ты дома не перетруждайся.

— Не волнуйся. Сейчас моя главная задача - учить детей грамоте. От этого не устану.

Нин Гуйчжу проводил взглядом Сюн Цзиньчжоу, уведшего мула, затем набрал воды и отправился поливать огород за домом. Он успел закончить лишь половину грядки, когда пришли рабочие. Вскоре во двор вбежали и дети. Увидев, что Нин Гуйчжу поливает овощи, все трое тут же закатали рукава и полезли на грядки. Они принялись собирать немногочисленных гусениц и других вредителей, которые уже начали появляться, и относили их в загон на другом конце заднего двора. Куры и утки уже подросли и могли проглатывать насекомых целиком.

Увидев это, Нин Гуйчжу напомнил:

— Осторожнее. Землю только что полили, не запачкайте обувь.

— Хорошо-о!

Закончив работу, дети вернулись на передний двор, вымыли руки, немного передохнули, и начался сегодняшней урок. Сначала они повторили свои имена, которые выучили вчера, затем перешли к самым простым иероглифам: «один», «два», «три», «большой», «маленький» и другим.

Кроме того, Нин Гуйчжу по памяти записал несколько детских стихотворений, по которым сам когда-то учился читать. Например:

«Уйдёшь на одну, две, три ли -

увидишь четыре или пять деревень, окутанных дымом.»

Если дети готовы сотрудничать и действительно хотят учиться, обучение становится во много раз легче.□□

День пролетел быстро. В полдень Нин Гуйчжу вместе с Лю Цюхун приготовил обед, после еды дал детям немного отдохнуть и переварить пищу, а затем велел троим малышам пойти в спальню поспать время одной палочки благовония. Сам он взял недошитый платок и сел рядом с Лю Цюхун.

— Зачем ты отправил их спать? За эти полчаса они могли бы ещё иероглифы поучить, — ворчала Лю Цюхун, всё чувствуя, будто время тратится впустую.

Нин Гуйчжу, не останавливая рук, мягко сказал:

— Учёба требует сил ума. Утром они занимались очень серьёзно, в полдень надо отдохнуть, тогда после обеда смогут снова учиться. Иначе будут только клевать носом, а это ещё большая трата времени.

Взгляд Лю Цюхун медленно упал на кучу бамбуковых веток во дворе. Помолчав, она всё же не стала мучить собственных внуков, только не удержалась и сказала Нин Гуйчжу:

— Ты их так бережёшь, будто сильнее родных родителей. Даже не знаю, что будет, когда у тебя самого появятся дети.

Нин Гуйчжу на мгновение замер, затем улыбнулся:

— Я, наверное, не смогу быть строгим. Тогда придётся матушке потрудиться.

Лю Цюхун весело ответила:

— Это легко. Своих детей, конечно, надо воспитывать.

За разговорами время одной палочки благовония пролетело быстро. Нин Гуйчжу разбудил детей, помог им надеть верхнюю одежду и вывел умыться холодной водой.

— Просыпайтесь. Продолжим урок.

— Хорошо!

К вечеру, когда вернулся Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу отпустил детей играть. Глядя, как трое малышей стремительно пронеслись мимо, Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь, вошёл во двор и передал Нин Гуйчжу бумажный свёрток.

— Что это с ними?

— Учились целый день, засиделись, — с улыбкой ответил Нин Гуйчжу и развернул свёрток. — Почему снова купил сладости?

Сюн Цзиньчжоу потянулся:

— Не я купил. Господин велел передать тебе.

Нин Гуйчжу приподнял бровь. Сюн Цзиньчжоу усадил его за стол, сходил на кухню, принёс две чашки воды и только потом рассказал, что произошло днём:

— Всё ещё из-за дела Сань-нян. Господин судья сначала хотел устроить её учиться ткачеству, но потом от кого-то узнал, что старший брат с невесткой научились у тебя делать доухуа, и велел мне спросить, нет ли какого-нибудь дела, которое она могла бы быстро освоить.

Нин Гуйчжу откусил кусочек сладости:

— У старшего брата с невесткой дела идут так хорошо?

Раз уж даже до уездного судьи дошло.

— Угу, — кивнул Сюн Цзиньчжоу. — Лавки тофу в уезде тоже начали продавать доухуа, но у старшего брата с невесткой торговля всё равно лучше. Сегодня они ещё сделали две закуски из фучжу и сушёного тофу, заодно продавали необработанную фучжу и сушёный тофу.

Услышав это, Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Старший брат с невесткой довольно сообразительные.

Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Брат утром ещё говорил: в уезде много людей, готовых тратить деньги. Было бы хорошо делать побольше и продавать.

Жаль только, что дома и так дел хватало, да и в уезд столько всего не увезёшь.

— Это просто: нанять людей. И не обязательно всё продавать самим. Сушёный тофу и фучжу можно отдавать другим, чтобы они брали товар у вас дома и шли продавать. Цена будет ниже, зато объём больше. А когда накопите денег, снимете лавку в уезде и тогда сможете продавать что угодно.

Нин Гуйчжу сказал это вскользь, затем отложил тему и продолжил:

— Если Сань-нян захочет, пусть приходит к нам. Я научу её нескольким рецептам еды, но как дальше с этим поступить - уже её дело.

— Хорошо, завтра скажу господину.

Пока они разговаривали, Сюн Цзиньпин принёс деньги. Нин Гуйчжу считал, что

рассчитываться каждый день слишком хлопотно, поэтому теперь Сюн Цзиньпин с женой приносили деньги раз в три-пять дней, без строгого расписания, но доля Нин Гуйчжу всегда была не меньше положенного.

Тяжёлая связка медяков легла на стол, и Нин Гуйчжу сказал:

— Старший брат, Цзиньчжоу сказал, что вы хотите расширить дело?

Сюн Цзиньпин беспомощно посмотрел на младшего брата:

— И такие мелочи рассказываешь.

Сюн Цзиньчжоу пожал плечами:

— Просто к слову пришлось.

Раз уж Нин Гуйчжу уже знал, Сюн Цзиньпин рассказал свои с женой мысли и спросил, есть ли у него советы. Особо необычных советов у Нин Гуйчжу не было, только те, что он уже вскользь сказал Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Цзиньпин немного помедлил:

— Но так люди ведь научатся делать тофу?

А готовить тофу, если знать способ, довольно просто.

Нин Гуйчжу рассмеялся:

— Старший брат, это вы уже привыкли и думаете, что ничего сложного нет. А раньше вы могли бы сами догадаться, что вещество для свёртывания такое простое?

Вот это... Если честно, действительно не могли.

Сюн Цзиньпин почесал голову и смущённо улыбнулся:

— Тогда я вернусь и посоветуюсь с твоей невесткой насчёт найма людей.

Нин Гуйчжу кивнул и спросил:

— Старший брат, ты знаешь каких-нибудь разносчиков, которые ходят с коромыслом и продают товар?

Сюн Цзиньпин быстро понял:

— Чжу-гер, ты имеешь в виду, чтобы разносчики брали у нас товар и продавали по окрестным деревням?

Поначалу Сюн Цзиньпин думал о том, чтобы те торговали в уезде, и даже опасался, что это отнимет часть покупателей у их семьи. Но если продавать по окрестным деревням...

Нин Гуйчжу сказал:

— Разносчики наверняка будут брать товар большими партиями. Если немного снизить для них цену, чтобы они тоже могли заработать, такое дело сможет существовать долго.

Себестоимость тофу была низкой, а основной расход - человеческий труд - в эту эпоху стоил дешевле всего. Слушая Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньпин всё больше воодушевлялся.

— Спрошу у двоих двоюродных братьев, не захотят ли они заняться продажей. А для приготовления тофу пока наймём только одного человека, попробуем.

Нин Гуйчжу кивнул:

— Осторожность никогда не помешает.

Получив его одобрение, Сюн Цзиньпин уже не мог усидеть на месте. Ещё немного поболтав с супругами, он поспешил домой. Получив совет Нин Гуйчжу насчёт торговли, Сюн Цзиньпин сначала всё обсудил с женой, потом вместе с родителями ещё раз всё обдумал, а когда стемнело, отправился к дому старшего дяди.

При жизни мать Сюн Шишаня родила восьмерых детей. До взрослого возраста дожили трое сыновей и две дочери. Когда вся семья жила под одной крышей, ссор и драк между многочисленными родственниками хватало. Зато после смерти старшего поколения, когда семьи разъехались, отношения между ними стали даже крепче. Поэтому, когда подвернулась возможность заработать, они в первую очередь подумали именно о своих родственниках.

На следующее утро Сюн Цзиньчжоу несколько не удивился, увидев во дворе родительского дома двоюродных братьев и их жён. Поздоровавшись, он быстрым шагом вошёл на кухню.

— Брат, Чжу-гер попросил меня спросить: вы сегодня будете прессовать тофу?

— Будем. А что, вам домой нужно?

— Да.

Сюн Цзиньчжоу положил принесённые медяки на стол.

— Чжу-гер хочет сделать фужу (ферментированный тофу).

Услышав это, Лю Цюхун сказала:

— Тогда я потом сама занесу вам. Забери деньги обратно. Неужели за пару кусков тофу для своих ещё платить?

— Так нельзя, - Сюн Цзиньчжоу и слушать не стал. — Чжу-гер сказал: за первую сделку обязательно нужно заплатить, иначе примета плохая.

Лю Цюхун:

— ...

Раз уж он заговорил о такой примете, она уже не осмелилась возвращать деньги. Только сердито ткнула сына пальцем в лоб:

— «Чжу-гер, Чжу-гер»... После свадьбы у тебя совсем голова работать перестала. Не мог сказать, что это для своей семьи и никакая это не торговля?

Сюн Цзиньчжоу увернулся и ухмыльнулся:

— Мам, раз ты такая сообразительная, сама и сходи объясни это Чжу-геру.

Лю Цюхун поперхнулась словами. И что толку сейчас быть сообразительной? Главное - суметь быстро соображать перед самим Нин Гуйчжу. Иначе он скажет пару фраз, и ты уже сам начинаешь соглашаться с его доводами.

Сюн Цзиньчжоу знал, что всё так и будет. Улыбаясь, он отступил в сторону:

— Нужно всего три куса тофу. Я пошёл обратно, Чжу-гер уже приготовил завтрак и ждёт меня.

Лю Цюхун махнула рукой, лишь бы он исчез с глаз долой:

— Катись-катись, быстрее катись.

Сюн Цзиньчжоу отряхнул штаны и ушёл.

Глядя, как он уходит, двоюродные братья, которые до этого сидели тише курицы, наконец выдохнули. Отношения между братьями семьи Сюн и правда были неплохими, но Сюн Цзиньчжоу позже стал исключением: если старшие доводили его до злости, он действительно срывался на братьях.

Увидев их вид, Сюн Цзиньпин с усмешкой сказал:

— Цзиньчжоу уже несколько лет ни с кем не дрался. Чего вы боитесь, как трусы?

Сюн Цайшэн сердито ответил:

— Ты его родной брат, вот и не боишься.

Сюн Цайшэн был старшим сыном их дяди и старшим братом в этом поколении. Рядом Сюн Цайван с глубоким сочувствием сказал:

— Старшему брату ещё ничего. Вот я действительно пострадал.

Его отец был младшим из трёх братьев, и рот у него всегда был без тормозов. А этот мальчишка Сюн Цзиньчжоу как раз прекрасно владел принципом «отцовский долг платит сын»; среди ровесников именно он получал побоев больше всех.

Сюн Цзиньпин, увидев их такими, только пару раз насмешливо хмыкнул и вернулся на кухню. Вмешиваться он точно не собирался. Раз младший брат сам отвоевал себе уважение, кто он такой, чтобы просто взять и всё разрушить? Да и нынешняя жизнь была вполне спокойной, лезть ни к чему.

<http://bllate.org/book/14958/1719412>